

Страшный разговор

Яреци Фернандез

Эту ночь она почему-то плохо спала. Она часто просыпалась и смотрела в окно на ночное небо, на котором не было ни одной звезды. Потом, думая, что глаза закрываются, она ложилась ближе к любимому, подвигалась к нему, но так и не могла заснуть. Сегодня Тору должен был отправиться в Токио по делам, а она оставалась дома. Тору хотел сначала забрать с собой единственный комплект ключей, но она уговорила его оставить ключи ей. Неизвестно, сколько он мог проторчать в Токио, а она хотела прогуляться по городу. Она заранее обсудила с ним маршрут, пообещала, что не будет никуда уходить с него. И он, скрепя сердце, все-таки согласился.

Спать больше не хотелось, и она встала с кровати. Надела теплый халат и подошла к шкафу. Посмотрела на приготовленную к поездке одежду любимого, а потом ушла на кухню готовить завтрак. В этот раз у нее ничего не упало, не сгорело, ей ничего не отрубило конечности, и к пробуждению Тору на столе стоял сытный завтрак, состоящий из поджаренных гренков, вымоченных в молоке с яйцами.

Она проводила Тору до остановки, поцеловала его и, когда он уехал, направилась в сторону дома. Хотелось спать, а в душе появлялись какие-то неприятные чувства. Остановившись, она бросила случайный взгляд на кричащую неоновую вывеску на японском, под которой латинскими буквами было написано “интернет-кафе”. То, что надо. Она спустилась в подвальное помещение и зажмурилась от неприятного света ярких ламп. Когда глаза привыкли к этому, она осмотрела помещение. Оно было достаточно большим, в несколько рядов стояли столы с компьютерами и всякой атрибутикой. Слева от входа стоял молодой человек, с интересом глядя на нее. Яреци вздохнула и неуверенно подошла к нему. Администратор ничего не понял, но ей на выручку пришёл один геймер, знающий английский. Девушка села за компьютер и включила скайп. В сети была одна её подруга детства, которая очень удивилась появлению мексиканки. На мониторе раздался звонок, и девушка, надев наушники, стала разговаривать с подругой, с которой виделась очень редко. Лера стала её подругой совершенно неожиданно. Она была на десять лет старше Яреци, жила в соседнем доме и иногда звала маленькую Яри играть. Вся дворовая компания опекала маленькую застенчивую девочку, которая всегда сидела одна на лавочке и читала книгу. Или раскрашивала что-нибудь. А потом Валерия выросла и уехала во Владивосток. И Яри с ней редко списывается, общается. Но считает ее подругой.

Сначала Лера долго рассказывала о себе, она была очень болтливой и могла часами рассказывать о себе, заставляя собеседника слушать. А потом прерывала собеседника и снова говорила. Яреци в этот раз тоже приходилось выслушивать разные истории о ее жизни. Лера говорила много, почти не давала собеседнице ответить на вопросы. Но потом она вдруг замолчала.

- Как у тебя с твоим китайцем?

- Он японец, Лер, - фыркнула девушка.

- Да какая разница? Для меня они все на одно лицо. На сколько он тебя старше?
- Это неважно. Важно то, что мы любим друг друга.
- Да он тебя бросит при первой возможности, вот увидишь. Если еще не бросил.
- Он любит меня, - упрямо заявила девушка.

Лера стала что-то говорить, но Яреци ее почти не слушала. Ей захотелось просто отключиться и не общаться больше с ней. Наконец, Лера замолчала, и девушки обменялись телефонами. Яреци, перед тем, как попрощаться, спросила, что может означать задержка в пять дней. Ляпнула и сильно покраснела. Она не привыкла обсуждать эти моменты ни с кем, даже с мамой, а тут, по другую сторону монитора, сидел абсолютно чужой человек.

- О, подруга, да ты, походу беременна. Сделай тест и аборт. Есть лекарства, которые спровоцируют выкидыш. Твой китаец тебя бросит, вот увидишь. А кому ты нужна будешь с довеском? У тебя не будет будущего, тебе эта личинка будет мешать...
- Он любит меня, и он никогда не бросит меня, - сказала девушка, почувствовав, что голос дрожит.
- Ты так уверена в этом? А я вот нет. Ладно, счастливо оставаться.

Лера отключилась, и Яреци ещё какое-то время сидела в интернет-кафе, не реагируя ни на что. Пока её не потряс за плечо геймер и не сказал, что её время вышло. Она расплатилась и вышла из подвального помещения на улицу.

Яреци Фернандез

На улице шёл мелкий противный дождь, и девушка подняла голову, чтобы капли попали на ее лицо. Стало легче, и она вздохнула и направилась вниз по улице. Внезапная мысль о беременности острым гвоздем вонзилась в ее сознание, прошлась по нему, царапая и оставляя незаживающие раны, и так же быстро исчезла. Наверное, чтобы точно понять, почему у нее уже несколько дней задержка, надо сделать тест. Но это бред, она не может быть беременна. Они предохранялись. Почти всегда. Нет, это просто нервы...

Она остановилась около аптеки и зашла в нее. Прошлась вдоль стеллажей и остановилась около стеллажа с разными тестами и средствами защиты. Сглотнула. Нет, это все равно не может быть правдой. По спине прошелся холодок, но она купила этот тест. Потом подумала и купила еще два. Она не знала, зачем, но в этот момент не отдавала себе отчет в этом.

Недалеко от аптеки был торгово-развлекательный центр, и она отправилась туда. Зашла в туалет и сделала тест. А потом уставилась на результат. Он ее не обрадовал, и дальнейшие события уже не помнила. Помнила только холодные капли дождя и сильный ветер, когда она добралась до залива. Там было сыро и

туманно. Яростные волны бились о волнорезы, судя по всему, был шторм. В заливе волны не были сильными, но все равно было опасно подходить близко к воде. Яреци остановилась очень близко от воды и смотрела куда-то вдаль. Далеко на волнах качались военные корабли и сухогрузы, а может были еще и торговые суда; они ждали команды войти в порт, но, видимо из-за шторма им не давали зеленый свет.

Волны стали добираться до ее ног, и вскоре кроссовки промокли, но она не обратила на это внимания. Ей было страшно, и она не представляла, что ей делать. Она боялась, что Тору ее бросит, что все будут настаивать на аборте. Но она не хочет об этом думать. Она не избавится от ребенка, она не сможет просто спокойно жить, зная, что убила ребенка. И пусть он пока был только сгустком клеток, она не сможет этого сделать. Но и так она тоже не сможет жить. Что она будет делать с ребенком на руках? Куда поедет? В монастырь? Хочет ли она такой жизни себе и своему ребенку? Там хорошо, там ей помогут. Та же наставница, например. Или мастер Давенпорт... или еще кто-то...

Яреци Фернандез

Новая волна намочила ее ноги, а песок стал откатываться в море под тягой воды. Она опасно покачнулась и мотнула головой, возвращаясь в реальность. Почувствовала, что ноги мокрые, и сделала несколько шагов назад. Горько усмехнулась и увидела несколько больших валунов, которые волны не покрывают полностью. Забралась на один и села на него, обхватив согнутые в коленях ноги руками. Ей хотелось побыть в одиночестве и подумать, что делать. Она вытащила из сумочки, перекинутой через плечо, мобильник и набрала номер Тору. Тот не брал трубку, и она хотела ему позвонить еще раз, но перед глазами вдруг всплыла картинка ухмыляющейся Леры, которая говорила, что Тору ее бросил.

- Нет. Это не может быть правдой. Он просто не может подойти к телефону, - успокоила себя девушка и вздохнула.

Только она хотела убрать телефон обратно, как раздался звонок. Незнакомый номер, но она уже знала, кто звонит.

- Ну что, он тебя бросил? Я же говорю, тебе надо делать аборт. Твой китаец уже нашел себе кого-то.

- Он просто занят. Он сегодня поехал в Токио по делам.

- А тебя почему не взял с собой? Ох, Яри, играешь ты с огнем. Сколько недель хоть?

- Пишет, что две-три недели.

- Еще можно сделать медикаментозный аборт. Есть такие таблетки, они отпускаются по рецепту. Если хочешь, я тебе выпишу рецепт. Я медицинский закончила.

- Я не буду делать аборт. Тору любит меня. И я люблю его! - Крикнула девушка, почувствовав, как по щекам потекли слезы.

- Ладно, вижу, что тебя переубеждать бесполезно. Хорошего тебе дня. Пока.

И связь отключилась. Яреци сглотнула и посмотрела на замолчавший телефон. Было страшно. А вдруг Тору действительно ее бросил? Вдруг ему надоела вся эта ее навязчивость и затянувшееся детство? Надо уезжать. Забыть обо всем. Сделать аборт и жить дальше. Поехать в Испанию, покаяться... и никогда больше не общаться с людьми. Она не хотела никого обременять. Что делать?

Яреци Фернандез

Яростные волны бились о волнорезы, дождь усилился, и стало холодно. Предпоследний день весны выдался дождливым и очень холодным. Она изрядно замерзла, но продолжала сидеть на валуне, о боковую поверхность которого бились яростные волны. Не хотелось ничего. Было очень страшно, особенно от того, что Тору может ей сказать про аборт. Да и она сама не знает, сможет ли одна воспитать ребенка? Или это все глупость, детство?

Начало темнеть, часы показывали всего пять часов вечера, и она чихнула. Протерла лицо руками и встала. Стала осторожно пробираться к берегу, думая, зачем она забралась так далеко. Стало страшно. Страх липкой волной прошелся по ее телу, оставляя противную дорожку из боли и паники. Она совершенно не знала, что ей делать, кому позвонить, у кого попросить совета. Наверное, надо позвонить маме.

Она поскользнулась на одном камне и чуть не упала. Когда она слезла на песок, то убедилась, что нога сильно болит. Наверное, растяжение. Помассировав лодыжку, она выпрямилась и позвонила папе. Хотелось просто услышать его голос. Может он что-то посоветует. Нет, о таком рассказывать нельзя. Что он посоветует? Ведь ответ очевиден. Аборт. Она еще слишком молода, а Тору... может его мама действительно права, задавая ей вопрос, хочет ли она такой жизни себе и своему любимому?

Папа не брал трубку, хотя в Мадриде было уже почти десять часов, а папа всегда любил просыпаться рано. Она уже хотела выключить телефон, как на том конце раздался голос.

- Папа? Папочка, я тебя не отвлекаю? Как у тебя дела?

- Тетушка, это звонит ваша дочь. Кажется, откуда-то из Китая. Или Кореи... - Раздался на том конце голос кузена. Она вздрогнула.

Какое-то время было тихо, но эта тишина давила на ее сознание черным покрывалом. В ней было что-то странное и страшное. Хотело ь бросить трубку и убежать. Не стоило звонить папе. Но почему трубку взял не папа? Что-то с ним случилось? Папа никогда бы не разрешил Маркусу брать его телефон. Да и вообще никому не позволял отвечать на звонки на его телефон. Даже ей или маме. Она сглотнула и задрожала. Сильно заболела голова. К горлу начала подкатывать паника.

- Здравствуй, сестренка. Если ты хочешь поговорить со своим папочкой, то он сейчас

не может подойти, - раздался насмешливый голос Маркуса. - Он лежит в больнице. У него с сердцем проблемы. Яри, ты приносишь всем только страдания. Твой папа в больнице, твоя мама постоянно плачет...

- Маркус, дорогой, ну что ты такое говоришь? Яреци, здравствуй. Не слушай его. - судя по звуку включилась громкая связь. Голос мамы звучал отдаленно. - Ты уехала обратно в свой Китай?

- Мама, что с папой? Он... у него что-то с сердцем? Мамочка, скажи мне, что с ним все хорошо?

- Он в больнице, - сухо произнесла мама. - Маркус, милый, проверь, что делает бабушка. Я сейчас подойду. Моррис мне сказал, что ты уехала в Японию?

Моррис. Это слово острым кинжалом резануло по сердцу, оставив кровоточащую рану, которая не сможет зажить. Мама никогда не называла папу по имени. Особенно так сухо не говорила про него. Что у них случилось? Мама разозлилась на нее и папу из-за смерти бабушки. Папа тогда был занят, она училась и тоже не могла уехать. Последнее время папа был какой-то странный и задумчивый. И через день после ее отъезда в Токио вернулся в Испанию. Мама на него обиделась, и он поехал мириться с ней. Но почему он в больнице?

- Знаешь, я тут подумала, - через какое-то время произнесла мама сухим тоном. - Мне Маркус рассказал, что твой любимый японец дерется. Он его чуть не избил, на пару с твоим отцом. Маркус приехал в ужасном состоянии, на него было больно смотреть. А еще он сказал, что ты воровала деньги и все свалила на него... Яреци, - очень строгим голосом прозвучала трубка, - с твоей поездкой в Китай ты очень сильно изменилась. Мне не надо было идти на поводу у твоего отца. Ты должна была все рассказывать мне, а не Моррису.

Яреци Фернандез

Она еще много чего говорила, но девушка уже не слышала ее. Острые кинжалы каждого слова вонзались в ее сердце, причиняя почти реальную боль. Хотелось отключить телефон, выбросить его, поколотить что-нибудь. Закричать. Мама не верила ей, она верила Маркусу, который чуть не разрушил ее счастье. Он рассказал небылицы, она знала, что Тору его и пальцем не тронул. Мама любит своего племянника сильнее. Нет, этого не может быть. Она опустила на колени и, сжимая телефон в руке, заплакала. Здесь не было людей, в такую погоду никто не решался пойти в один из парков, поэтому девушка не стеснялась плакать в голос. Впрочем, в таком состоянии ей было без разницы, что о ней подумают. Ей было страшно от осознания того, что мама предала ее. Неужели это все было иллюзией? Неужели мама никогда не любила ее?

Пред глазами стали проноситься картинки из детства. И везде с ней разговаривал папа, везде ей помогал папа, мама иногда только, во время болезни, сложных экзаменов или плохого самочувствия, была рядом. Мама не утешала ее, когда папа избил Пашу и вышвырнул его из квартиры. Она сказала только, что Паша ей не подходит. А ведь перед этим она говорила, что они с Пашей хорошо смотрятся. Она и про Тору говорила, что он красивый и подходит ей. А теперь...

- Ты ревешь? - Насмешливый тон. - Ты всегда ревела, чтобы уйти от проблем. Вся в своего папашу.

- Ты его так ненавидишь? Зачем ты тогда прожила с ним столько лет? Занималась бы своим Маркусом, который не только использовал меня в своих целях, но и чуть не поспорил меня с Тору. А я люблю Тору, и я жду от него ребенка! - прокричала девушка и запнулась, поблднев и сглотив. Снова задрожала. Нервы не выдерживали, и истерика душила ее. Душа выглядела порванной, в каждой струнке души была дырка, которую делает большой здоровенный тесак.

- Что?! - Через какое-то время произнесла трубка. - Ты понимаешь, что тебе надо делать аборт? Ты здесь никому не нужна с ребенком.

- Я люблю Тору. И я хочу от него ребенка. Мама...

- Это не обсуждается! Или ты делаешь аборт, забываешь о своем японце и возвращаешься в Испанию, и тогда мы с тобой поговорим нормально, я тебя прощу, или ты можешь мне больше не звонить. Я не собираюсь помогать тебе, если твой японец тебя бросит. Можешь мне больше не звонить...

Удар. Этот удар она не смогла выдержать. Она отключила телефон, услышав от Маркуса оскорбительное “проститутка”, и встала на четвереньки. Руки сжимались в кулаки, зачерпывали песок, рыдания душили ее. Она была уничтожена. Мама ненавидела ее. Папа из-за нее попал в больницу. Тору ее бросил. Она никому не нужна. Совсем никому. Она не может быть счастливой. На что она надеялась, влюбившись в сорокалетнего мужчину? Влюбившись в одинокого странника с ранимой душой, как его охарактеризовала его мать? Она была права - Тору был достоин лучшего...

Яреци Фернандез

Раздавшийся сигнал прожгающей мимо машины спецслужб заставил ее вздрогнуть и встать с земли. Вид вызывал жалкое зрелище - одежда промокла, была в песке, волосы спутались, с них стекала вода. Нужно было переодеться, лечь спать, чтобы потом все хорошенько обдумать. Но было страшно. Больно. Она не нужна никому в этом мире. Она ни с кем не дружит, да и помощи просить не привыкла. Но самое страшное в этой ситуации было известие о болезни папы. Из-за нее он попал в больницу. Из-за нее у него проблемы с сердцем. Из-за нее Тору не поехал в Японию раньше. Она приносит зло. Она никому не нужна.

Она шла. Сначала по берегу моря, затем по улицам. Редкие прохожие не обращали на внешний вид девушки никакого внимания, но с удивлением смотрели на ее слезы, текущие по щекам. Дождь закончился, но солнца не было. Было холодно. Хотя холод не чувствовался.

За три часа бесцельного бродения по улицам, одежда немного высохла, но это не помогло избавиться от холода, царившем в том безобразии, которое не могло уже называться душой. У нее больше не было души. Она потерялась, она совершенно не представляла, что ей делать.

Но вдруг она остановилась около дома. Дома, в котором была один раз в жизни. Дома, в котором ее не ждали. Дома, из которого ее выгнали еще в тот раз. Почему она пришла к нему? Почему стоит на крыльце? Палец застыл в миллиметре от дверного звонка. Нет, это глупо. Это неправильно. Она позвонила в звонок и сильно вздрогнула. Ей казалось, что она отняла палец от этой кнопки. Но нет.

Она бегло себя осмотрела, хмыкнула, побледнела и стала ждать, что ее растерзают члены семьи Мотидзуки. За неподобающий вид, за неожиданный визит. Да просто за то, что она позволила себе появиться в доме без приглашения...

Путеводная Нить

После последнего разговора с сыном Чиэко долго не находила себе места. Она видела, как нелегко Тору было слушать ту правду об отце, которую он старался не замечать годами. И хоть она считала, что поступила правильно, каждый раз, когда она вспоминала застывшую в глазах сына боль, снова начинала чувствовать всю тяжесть своего немаленького возраста. С их последней встречи прошло несколько дней, и от Тору не было никаких известий, но Чиэко, несмотря на сильное желание увидеть сына, не хотела его торопить, надеясь, что он придет к ней снова, когда будет готов возобновить их разговор.

Этот вечер обещал пройти спокойно, без неуместных замечаний со стороны Фуэми, которая сегодня оправилась вместе с мужем к своей родне. Но не успела Чиэко разобраться со всеми запланированными на сегодня делами и немного расслабиться, выпив хорошего чая, как раздался неожиданный звонок в дверь, на который вышла ее приходящая по будням помощница. По ее удивленному лепетанию, Чиэко поняла, что в гости пришла юная иностранка, которая уже была здесь раньше, и что с ее внешним видом что-то не то, хотя сама девушка явно не поняла из слов встречающей ни единого слова.

Не желая усложнять ситуацию, Чиэко быстро вышла из кухни и направилась к входной двери. Как она и предполагала, к ней в гости неожиданно заглянула Фернандез Яреци - девушка, которую сын захотел сделать частью их семьи. И выглядела она действительно устрашающе, причем особенно смущало не состояние волос и одежды, говорящее о затянувшейся прогулке под дождем и после, а абсолютно потерянное выражение лица. И Чиэко, особенно после пылких слов сына, даже представить себе не могла, что у них там такое произошло, что девушка превратилась в жалкое подобие человека.

- Юри, дорогая, - обратилась женщина к помощнице, - принеси нам в чайную комнату плед и какой-нибудь чай на свой вкус. А ты, - Чиэко повернулась к Яреци и перешла на английский, - следуй за мной.

Она провела девушку в небольшую комнату, называемую в семье чайной, из окна которой открывался отличный вид на ее любимый садик и кивком указала сесть на один из стоящих у изящного деревянного столика стульев. Судя по всему, Яреци пока не была готова к ведению связного разговора, но Чиэко надеялось, что немного согревшись и попробовав чай из ее запасов, девушка сможет хоть как-то объяснить причину своего неожиданного визита.

Яреци Фернандез

Дверь открылась очень быстро, и девушка на автомате произнесла заученную фразу, что ей надо поговорить с мадам Мотидзуки. Женщина была другая, это была не жена старшего брата Тору. Вскоре послышался шум шагов, и к ней вышла хозяйка этого дома. Женщина, внушающая только одним своим видом ужас. Яреци побледнела, когда та что-то сказала, сжалась в маленький комочек и приготовилась к тому, что ее вышвырнут из дома. Но женщина приказала ей проследовать за ней, и вот она сидит на стуле.

- Ока-сан, простите меня за неожиданный визит. - Голос сильно дрожал. - Но можно мне поговорить с вами?

Это было произнесено на смеси английского и японского. Она старалась вспомнить все, что говорил ей Тору, но кроме того, что сидеть прямо ничего не могла вспомнить. Оставалось надеяться, что ее поймут...

Путеводная Нить

Чиеко боялась, что девушка, с учетом ее состояния, не сможет сказать и слова, но та, на удивление, смогла вспомнить даже пару японских. Было похоже, что Яреци пыталась подготовиться к их встрече, которая все же произошла раньше планируемого срока, сведя на нет все ее старания. Но знание или незнание девушкой всевозможных формальных вещей сейчас волновало Чиеко намного меньше, чем приведшая ее сюда причина.

- Раз ты пришла, очевидно, что тебе есть, что сказать. А, значит, я тебя выслушаю. - Чиеко заняла место неподалеку от девушки. - Не нужно пытаться вспоминать японские слова. Говори на английском. Так мы скорее друг друга поймем.

Верная спутница Мотидзуки Рэна, выучившего английский, чтобы плодотворно сотрудничать с иностранцами, считала своим долгом знать практически все то же самое, что и ее муж, поэтому сильно отличалась от большинства домохозяек высокой образованностью.

Не успел у них завязаться разговор, как в комнату вошла Юри и протянула трясущейся то ли от холода, то ли от страха девушке плед, чтобы та могла, при желании, в него укутаться. А еще через пару несколько минут перед ними на столике возник поднос с чайником и двумя чашками из европейского сервиза, в очередной раз демонстрируя Чиеко, что она выбрала очень смышленную женщину, заслуживающую своей немаленькой зарплаты.

- Выпей и постарайся немного успокоиться. - Когда чай был разлит по чашкам, и Юри скрылась за дверью, Чиеко посчитала, что можно переходить к тому, ради чего все и затевалось - непростому разговору. А, по ее скромному мнению, любой серьезный разговор "один на один", при наличии такой возможности и достаточного свободного времени, стоило начинать с чашки хорошего чая.

Яреци Фернандез

Ее не выгнали из дома, чего она не ожидала. Мать Тору даже предложила ей чай, а

также служанка принесла плед, чтобы она могла укутаться. Ей было холодно, но она боялась, что от этого холода не спасет никакой плед. И теплый чай. Мир, привычный и любимый ею мир рухнул, оставив после себя боль и пустоту. Пустоты, наверное, было больше. Она не могла поверить в то, что мама предала ее. Этот насмешливый голос, это нахальное слово "проститутка", произнесенное Маркусом, въелось в ее сознание, пожирая все хорошее. Ее никогда не простят за то, что она сделала. Она согрешила.

Служанка принесла чай, и девушка отстраненно посмотрела на чашки. Взяла одну чашку, с блюдцем, как того требовал этикет. Отпила немного чая и постаралась успокоиться. Но успокоиться никак не получалось. Было страшно, неприятно, непривычно. Но нужно собраться с мыслями и что-то ответить. Но о чем поговорить?

Иногда бывает так, что незнакомому человеку выговориться бывает легче, чем родителям. Она хотела поговорить с папой, чтобы узнать его мнение на счет встречи с мамой Тору, ведь она так и не созванивалась с ним, но вместо него трубку взяли агрессивно настроенные мама и Маркус. И девушка, которая не хотела говорить папе о беременности, ляпнула об этом матери...

- Простите, я... не знаю, о чем говорить, - она постаралась сделать свой голос нормальным, но он предательски дрожал. От напряжения, от страха, от холода. - Я думала о разговоре, но... простите, меня не это привело к вашему дому. Я... я вообще не знаю, как я оказалась здесь. Мне страшно. Мой папа... мне Маркус, мой кузен, сказал, что он в больнице. Из-за меня... а мама... - она всхлипнула, - сказала, что я... она не хочет меня больше видеть. Я... простите, я не знаю, зачем вам все это говорю...

Она сглотнула и увидела, как дрожат ее руки. Опустила чашку с блюдцем на поднос и закуталась в плед. Она снова совершила глупый поступок. Снова стала говорить всякую фигню, не относящуюся к отношению с сыном этой строгой женщины. Кому вообще какое дело до отношений с ее родителями?

Путеводная Нить

Несмотря на то, что девушка сама просила о разговоре, ничего связного сказать она так и не смогла. Не помог даже чай, который, по мнению Чиеко, оказался очень даже хорош и прекрасно настраивал на длительную беседу. И, проникаясь задаваемым им настроением, она решила никуда не торопиться, давая несчастному испуганному ребенку, какой-то прихотью судьбы попавшему сегодня в ее дом, самостоятельно сформулировать тревожащие ее мысли.

Наконец, Яреци заговорила и из ее путаного рассказа Чиеко поняла совсем немного: девушка переживала из-за попавшего в больницу отца и считала, что мать не желает ее больше видеть. Благодаря выработанной за долгие годы общения с самыми разными людьми проницательности старшая из женщин семьи Мотидзуки чувствовала, что ее гостя что-то не договаривает, но пока решила не задавать прямых вопросов, боясь что та может совсем закрыться. Научившись с годами ценить свое время, она старалась не тратить его на бессмысленные вещи, предпочитая немного подождать вначале, чтобы потом не забуксовать на самом ответственном моменте и так и не добиться желаемого результата.

- Когда родители говорят своим детям, что не желают их видеть, тем самым они признаются в своей беспомощности и неспособности наладить с ними контакт, но это никак не отражает их настоящих чувств. - Чиеко задумчиво посмотрела в свою полупустую чашку, вспоминая собственные родительские ошибки, а затем подняла глаза и встретила взглядом с Яреци. - И, как я заметила еще при нашей первой встрече, ты очень легковерна. Умение анализировать получаемую информацию и подвергать ее критической оценке - очень полезный навык, которому тебе стоит научиться с годами.

Какое-то время Чиеко молча допивала свой чай, давая девушке возможность осмыслить сказанное, а затем добавила:

- Я удивлена, что мой сын оставил тебя одну в такой непростой момент и позволил бродить по городу под дождем.

Женщина не стала напрямую спрашивать об их возможных проблемах, но ее высказывание требовало хоть какого-нибудь комментария, из которого она собиралась вычленить что-то, способное прояснить пока совершенно неясную ей картину.

Яреци Фернандез

- Мама обиделась на меня... у нее два месяца назад умерла бабушка. Она ухаживала за ней, а я... я не хотела приезжать. Не хотела оставлять Тору одного в Москве. Мама сильно на меня обиделась. Она мне больше не звонила. А папа... он... поссорился с ней, точнее он не смог поехать к ней, чтобы поддержать ее. Она обиделась на нас с папой... - девушка укуталась в плед и посмотрела на женщину. Пелена страха и беспомощности спала, и теперь, хоть и выглядела она похожей на зомби, могла постараться трезво мыслить. Но мыслей почти не было. Была пустота, от которой становилось холодно. Она продолжала говорить, прерываясь на всхлипы или вздохи, и голос все так же дрожал.

В какой-то момент она плюнула на этикет и взяла двумя руками чашку. Тепло фарфора обжигало руки, но она этого будто бы не чувствовала.

Женщина спросила, почему Тору позволил ей гулять по городу в шторм, и она горько усмехнулась. Если Тору узнает об этом, то просто оторвет ей голову. В фигуральном смысле этого слова.

- Я... нет, он ничего не знает об этом. Он утром уехал по делам в Токио, а я... - она вздрогнула. Комок застрял в горле, он мешал ей говорить. Она боялась, что не выдержит этого и разревется. Ведь если она скажет про беременность, то ответ будет очевидным - она должна сделать аборт. Какой из нее член семьи Мотидзуки? Она никогда не сможет стать членом этой семьи. Почему вообще существуют эти чувства?

- Ока-сан, - сказала она, глядя на женщину. - Я... я беременна. Но я... знаю, что мне нужно делать аборт, я знаю, что вы никогда не примете меня в семью, я знаю, что вы недовольны тем, что ваш сын выбрал меня, такую истеричку, но... я боюсь. Я не

знаю, что мне делать. Мама сказала, что мне нужно сделать аборт. Тору... я звонила ему, но он не взял трубку. Мне страшно... я... я очень сильно люблю вашего сына, я не смогу жить без него. Но... я...

Она не договорила и снова разревелась, тихо всхлипывая и спрятав лицо в ладони. Сейчас все закончится, ее выгонят из дома. Страшно. Ей придется сделать аборт. На этом настаивают все...

Путеводная Нить

Чем больше Чиеко слушала девушку, тем больше понимала, почему ее сын так сильно на ней помешался, хотя раньше, насколько она знала, не был замечен в любви к несовершеннолетним молодым особам женского пола. Яреци со всей своей открытостью и импульсивностью казалась полной противоположностью его первой жены, от которой, как она догадывалась, он так и не смог добиться ни того, ни другого за недолгое время их брака. И это делало его несчастным, что она, как мать, просто не могла не заметить.

И если рассказ девушки о ее непростых отношениях с родными Чиеко слушала спокойно, никак не меняя выражения лица, то ее дальнейшее признание моментально вывело женщину из душевного равновесия, заставляя ее ненадолго прикрыть глаза, чтобы сдержаться и не сказать какую-нибудь грубость в отношении своего дурака-сына, который, потакая своим желаниям, совершенно не думал об их последствиях. Естественно, Чиеко не сомневалась в том, что Тору уже давно затащил этого наивного ребенка в постель под предлогом большой любви, и что по уши влюбленная в него Яреци практически сразу на это согласилась, но она надеялась, что мужчина в его возрасте знает, как предотвратить появление детей до того, как это станет уместным и желанным. А теперь его чрезмерная горячность лишала девочку возможности осознанного принятия решения и привязывало к нему раньше, чем это могло произойти, иди все естественным путем.

- Яреци, - Чиеко старалась, чтобы ее голос звучал твердо и не допускал двойных трактовок произнесенных слов. - Как мать я приношу свои извинения за сына, который оказался недостаточно ответственным в этом вопросе и стал причиной твоих проблем, но прошу тебя перестать плакать. - Чиеко сделала небольшую паузу, чтобы правильно сформулировать свою мысль и продолжила. - Сейчас тебе стоит думать не столько о своих страданиях, сколько о здоровье будущего ребенка. В семье Мотидзуки всегда рождались пусть даже и бестолковые, но здоровые дети.

Страхи Яреци, связанные с оказываемым на нее со всех сторон давлением, были Чиеко понятны, но, при любом раскладе, она сама не собиралась отказываться от собственного внука, как и позволять хоть кому-то из членов семьи оспаривать это ее решение.

Яреци Фернандез

Молчание. Оно давило на сознание, разрушая какую-то надежду на хороший исход. Ей казалось, что это конец. Мать Тору сейчас встанет, молча укажет на дверь и уйдет. А Яреци не будет никому нужна. Почему существуют всякие чувства, любовь, желание? Почему люди влюбляются? Ведь нет в этом ничего хорошего.

Она отняла руки от лица и посмотрела на женщину. Та сидела с закрытыми глазами и явно о чем-то думала. Наверное, она пыталась сдержаться, чтобы не послать ее с этим довеском куда подальше. Яреци была уверена, что будет все именно так. Но к этому нельзя подготовиться. Если ты любишь жизнь, привязываешься к людям и пытаешься сделать этот мир хоть чуточку лучше, то тебе просто тяжело принять тот момент, что твое вмешательство не нужно никому. Больно и сложно...

Но слова женщины вывели ее из эмоционального равновесия. Голова закружилась, в глазах на какой-то момент все потемнело. Она зажмурилась. Вот только обморока не хватало ей. А что тогда делать? Ведь... это совсем неприлично. Она готовилась ко встрече с его матерью, она старалась запоминать все, что ей сказал Тору об этикете, традициях. Она хотела произвести приятное впечатление, но неожиданные известия навалились на нее, и она испугалась. Она ведь не планировала, что снова будет реветь.

- Я... мне... - она стерла слезы и испуганно посмотрела на женщину. - Мне страшно. Семья... почему вы сказали про вашу семью? Вы... вы заберете ребенка? Я... вы же не приняли меня в семью. Я... что мне делать, мне очень страшно. Я боюсь... простите меня, это... это я виновата... вы меня прогоните, да?

Она не понимала, что говорит. Голова кружилась и болела, сердце колотилось в груди, на смену холоду почему-то пришел жар. Она сильнее закуталась в плед...

Путеводная Нить

К сожалению, смысл сказанных ею слов так и не дошел до сознания девушки, которая, похоже, находилась в состоянии, близком к истерике и плохо воспринимала человеческую речь. В очередной раз произнесла про себя несколько крепких слов в адрес сына, который как всегда очень "вовремя" уехал разбираться со своими делами, Чиико сделала глубокий вдох и налила себе чай, ожидая, пока Яреци хоть немного уgomонится и будет в состоянии воспринять хотя бы часть сказанного, в глубине души все же сомневаясь, что это вообще возможно.

- Если бы я хотела тебя прогнать, то тебя бы здесь уже давно не было. - Чиико поднесла чашку к губам и сделала небольшой глоток. - Ты очень непоследовательна. Сначала говоришь об аборте, а потом переживаешь, что у тебя заберут ребенка... Определись хоть в своих желаниях и планах на будущее.

Чиико поставила чашку и, скрывая нарастающую боль в спине, постаралась не менять тона своего голоса.

- Не волнуйся. Никто у тебя ребенка отнимать не будет. Да и за него отвечаешь не только ты, но еще и непутевый отец. Все решения о его будущем - ваша общая задача. Что же касается принятия в семью... Этот ребенок в любом случае уже является ее частью, а ты сама... Для начала разберись с вопросом скорейшей регистрации брака.

Яреци Фернандес

Слова женщины острыми гвоздями вбивались в сознание, причиняя боль. Каким-то отголоском уплывающего здравого смысла она понимала, что ведет себя не только

неподобающе, но вообще отвратительно. Было стыдно, очень стыдно, но в то же время было очень страшно признаться в этом. Казалось бы - это так просто - извиниться за истерику, попросить прощения за внезапное вторжение. Но это стоило невероятных усилий. И этих сил у Яреци не было. Она находилась где-то на грани безумства и истерики. Прекрасная перспектива быть изгнанной из этого дома. Теперь уж точно она никогда не сможет быть принятой в семью.

Почему ее это волновало? Ну не примет ее мать Тору и все остальные его родственники в семью. Так прекрасно - живи и радуйся. Наслаждайся близостью с любимым человеком, люби его, цени любое проведенное с ним мгновение. Но нет - она не могла так поступить. Она была уверена, что Тору после этого пошлет своих родственников куда подальше и навсегда потеряет возможность наладить с ними отношения. А потом будет переживать и страдать после печальных известий. Нет, она не хочет такого своему любимому. Она не хочет, чтобы он страдал из-за того, что выбрал ту чашу весов, на которой были их отношения. Но бросить все вот так она теперь не сможет...

Голос женщины был строгий и властный, и это заставляло ее вжиматься в спинку стула. Она испуганно смотрела на мать Тору и невольно восхищалась этой женщиной. Что-то в ней было интересное, создающее острое желание поделиться с ней самым сокровенным, по вечерам разговаривать, играть в какую-нибудь игру. Эта женщина, несмотря на свой вид, внушающий ужас, казалась доброй и понимающей. Заботливой. Возможно, она была хорошей бабушкой. Для того же Джуна...

Она внезапно покраснела и мотнула головой. Голова сильнее закружилась, а к горлу стал подкатываться комок.

- Простите, - прошептала она и, закрыв рот ладонью, выбежала из этой комнаты. В прошлое свое посещение она уже была в ванной, поэтому сейчас уже было легче ее найти.

Она умылась и вернулась в комнату. Щеки налились смущенным румянцем, и она поклонилась хозяйке этого дома, понимая, что не сделала этого сразу. Стало легче, если можно так выразиться. По крайней мере, истерика прекратилась. Хотя теперь ее сильно трясло. Она села обратно на стул и снова завернулась в плед.

- Простите меня за эту истерику, мне очень стыдно... Просто... мне страшно, и я совсем не знаю, что делать. Точнее, я знаю, что не хочу отказываться от ребенка. Но я... миссис Мотидзуки, я... действительно люблю вашего сына. Я... вы мне не верите, да?

Все это она старалась говорить медленно и четко, но голос был слишком слабый, и он сильно дрожал. Снова накатил новая волна паники, а еще к этому добавилось урчание голодного желудка. Она взяла чашку с остывшим чаем и сделала несколько глотков, надеясь, что вот этот громкий голос голодного желудка точно не был слышен...

Путеводная Нить

Похоже, сколько бы она ни говорила, восемьдесят процентов ее слов "отскакивали"

от девушки еще до того, как успевали достигнуть сознания этого напуганного юного существа. А не самое хорошее физическое состояние Яреци только усугубляло ситуацию, заставляя ее срываться с места и бежать в ванную на одном из самых важных мест их разговора.

Пока Чиеко ждала возвращения девушки, она в очередной раз порадовалась отсутствию Фуэми, у которой, в противном случае, появился бы прекрасный повод для создания новых сплетен. А так все проблемы можно было решить спокойно, если подобное слово вообще подходило, когда речь шла о время от времени впадающем в полуистеричное состояние беременном ребенке.

- В том, что ты любишь моего сына я как раз не сомневаюсь, - Чиеко мысленно поблагодарила Рэна, что за годы их совместной жизни она научилась практически безграничному терпению. - Я сомневаюсь, что ты понимаешь, какой небольшой процент занимает любовь, когда речь идет о создании крепких длительных отношений. Но, в любом случае, сейчас это уже не имеет значения. Твоя беременность все меняет. Полагаю, тебе стоит поскорее сообщить эту весть непутевому отцу и определиться со всеми необходимыми формальностями.

Урчание чужого живота заставило Чиеко покачать головой и перейти от вопросов будущего к настоящему.

- Я не знаю к какой еде ты привыкла, и что твой организм сейчас сможет принять, поэтому даю тебе пять минут, чтобы ты могла определиться и назвать мне несколько вариантов. Со своим телом ты вольна делать, что хочешь, но не забывай о потребностях моего внука. Хотя насильно я в тебя пихать, конечно, ничего не буду. Ты можешь вести себя, как несчастный испуганный ребенок или как будущая мать. Выбор, естественно, за тобой.

Яреци Фернандез

Урчание ее живота все-таки было услышано, и это заставило ее вздрогнуть и покраснеть. Она уж и забыла, что ела только рано утром, да и приемом пищи это нельзя было назвать. Всего лишь кружка чая и одна гренка. Больше у нее не было возможности поесть. Весть о внезапной беременности, общение с "подругой" и мамой перечеркнули все мысли и желания о том, что, вероятно, надо есть и отдыхать. От длительного хождения по улице у нее начали болеть ноги, а травма ноги после падения с валуна вновь напомнила о себе. Но об этом лучше не знать никому. Ни этой женщине, ни Тору, ни кому-то еще.

- Я... не знаю... я... можно мне рис? Простите меня... - тихо прошептала девушка, дрожа от нервов и глядя на женщину. Ей так хотелось стать сильной, перестать бояться, ей хотелось, чтобы Тору наладил со своей мамой отношения и, если мадам Мотидзуки не примет ее в свою семью, то хотя бы он будет видаться с родными. Она до сих пор себя винила в том, что из-за нее Тору не приехал раньше, что он ждал, пока у нее закончится сессия...

Она все еще куталась в плед, ее тело пробирала крупная дрожь. Было страшно и больно. Страшно от сознания того, что она совершенно не представляла, что именно говорить Тору. Когда ему это сказать.

- Ока-сан, простите меня, что вы вынуждены меня слушать... за эту истерику. Я... должна была сказать об этом Тору, я... скажу ему, но я... не знаю, что говорить... это... это глупо, да?

Путеводная Нить

Девушка попросила рис, и Чиэко не стала как-то комментировать ее выбор, ограничившись тем, что позвала Юри и дала ей соответствующие указания. Яреци должна была сама приучаться следить за своим питанием и его соответствию имеющимся потребностям, так что начать она вполне уже могла и сегодня.

- Твой страх понятен, ведь вы не планировали этого ребенка. - Чиэко когда-то сама побывала в подобной ситуации, но, в отличие от девушки, не сомневалась в реакции Рэна. - Думаю, тебе стоит больше доверять мужчине без которого, как ты недавно выразилась, не можешь жить.

Чиэко редко с кем делилась личными подробностями, но сейчас рассказ о том времени, когда она только узнала о третьей беременности показался ей уместным. В ее долгой жизни было немало событий, которые могли стать неплохим уроком тем, кто еще только начинал свою, и женщина не видела ничего зазорного в том, чтобы какими-то из них поделиться.

- Возможно, Тору рассказывал тебе, что его появление на свет тоже было не запланировано. Тот период вообще являлся одним из самых тяжелых в жизни нашей семьи. С бизнесом дела шли плохо, Рюхей и Шотаро заметно подросли, но все равно требовали много внимания и отсутствующих у нас на тот момент денежных средств, на мне был весь этот огромный дом, а сам Рэн практически жил на работе. Но когда я сообщила о том, что он станет отцом в третий раз, Рэн ненадолго помолчал и ответил, что это первая хорошая новость за долгое время...

Чиэко замолчала и отвела взгляд в сторону, чтобы не мешать Яреци осмыслить услышанное. В это время в комнате появилась Юри с миской теплого риса и вилкой, в очередной раз демонстрируя свою сообразительность, не пытаясь предложить девушке палочки. Так что пока ее гостя утоляла голод сама Чиэко могла немного подумать о грядущих изменениях, вызванных последними событиями и заметно перестраивающих устоявшуюся семейную систему.

Яреци Фернандез

Вскоре девушке протянули пиалу риса и вилку, хотя она ничего не имела против палочек. Прожив почти год в китайском монастыре она научилась как-то пользоваться этими палочками, но потом она вернулась в Москву, да и здесь иногда пользовалась европейскими столовыми приборами. Так что наличие сейчас вилки не дало ей упасть лицом в грязь.

Рис был вкусный и казался не таким, как она привыкла есть в Москве. С каждой съеденной порцией риса, оказавшейся на вилке к ней возвращались силы и желание трезво мыслить. Было страшно. Ей нужно посмотреть в глаза страху, она должна сказать Тору об этом, она должна объяснить своим родителям, что никогда не откажется от ребенка. Она будет стараться наладить мир в семье.

Тем временем мама Тору поделилась своей историей беременности третьим сыном. Она знала, что он не был ожидаемым, но ей снова показалось, что эта женщина все-таки любила своего сына и хотела наладить с ним отношения. Яреци очень хотела помочь чем-то, но не говорить же этой женщине об этом? Это некрасиво и неправильно. И она, Яреци, не имеет никакого права что-то кому-то советовать...

Рис очень быстро закончился, и пришло чувство насыщения. Она поставила пиалу на стол и снова завернулась в плед. Холод никак не хотел отступать, ей казалось, что она больше никогда не избавится от этого холода.

- Это было вкусно, - произнесла девушка, чувствуя, как щеки пылают румянцем смущения. - Спасибо вам за... просто спасибо. Я понимаю, что вела себя неподобающим образом, простите меня, но... вы не подумайте, я не претендую на то, чтобы быть членом вашей семьи. Просто... я боюсь, что если... что Тору может поссориться с вами. А я... мне кажется, что он любит вас... я боюсь, что он может что-то потерять...

Она слишком поздно поняла, что в очередной раз сказала что-то лишнее. Но это было личным, и она не имела никакого права влезать в их семейные проблемы. Румянец на щеках сменился бледностью. И она испуганно посмотрела на женщину...

Путеводная Нить

Несмотря на первоначальное смущение, рис девушка уплетала так старательно, как будто последний раз ела неделю назад, позволяя Чиэко хоть немного успокоиться за ее физическое здоровье. С душевным же все было немного сложнее. Яреци постоянно болтало от одной яркой эмоции к другой, и нормально разговаривать с ней было можно только в короткие минуты относительного спокойствия, которые занимали не более десяти процентов всего времени от их беседы. И хоть Чиэко и надеялась, что теплая пища немного улучшит это процентное соотношение, изначально вполне адекватные слова быстро сменились очередной порцией страха, показывая всю тщетность ее надежд.

- Яреци, твоя забота, конечно, очень трогательна, но я полагаю, мои отношения с сыном должны тебя волновать намного меньше, чем актуальная ситуация. Как мать я допустила ряд ошибок, самая значительная из которых как раз и заключалась в том, что у меня постоянно находились дела, мешающие мне лишней раз подумать о собственном ребенке. И теперь ты можешь видеть, к чему это привело. Надеюсь, ты сделаешь из этого правильные выводы и не будешь отвлекаться от самого главного.

История ее отношений с младшим сыном была для Чиэко самой болезненной из возможных тем. Она прекрасно понимала обоснованность его обид, но никак не могла изменить прошлого. В то время ей казалось, что быть идеальной женой намного важнее, чем приличной матерью. Да и потребность в выплескивании материнской любви, на момент рождения Тору, уже была реализована на старших сыновьях, так что ему перепали только жалкие остатки. И пусть в глубине души она любила своего младшего сына не меньше других, у нее уже не хватало ни времени, ни сил, чтобы продемонстрировать эту любовь подобающим образом.

Яреци Фернандез

Становилось легче, если можно было так выразиться. Мысли уже не путались в голове, образуя более четкую картинку, чем до этого. Было все еще страшно от осознания того, что все это произошло так быстро. Она и не думала, что могла забеременеть, они ведь предохранялись. Почти всегда. На тесте было показано, что она беременна две или три недели. Это... неужели это произошло в тот день, когда она сдала тяжелый экзамен по истории? Но нет, этого не может быть. А вдруг тесты врут? Вдруг это просто гормоны? А если так, то что делать? Ведь ее тогда убьют. И мама, и Тору, и эта строгая женщина, которая вместо того, чтобы провести остаток дня за проведением любимого занятия вынуждена слушать ее истерики.

Холод никак не хотел покидать ее тело, хотя с дома было тепло. И на улице тоже было тепло, несмотря на недавний ураган. Но в душе теперь был холод, и она очень боялась, что он останется здесь навсегда.

- Все совершают ошибки, - произнесла девушка. - Но... я очень хочу, чтобы Тору смог найти с вами общий язык. Он... несмотря ни на что, вы ему дороги. Я понимаю, наверное, что это глупо и нереально, но... почему люди любят так все усложнять? Почему просто нельзя быть счастливыми? Почему надо ссориться, обижаться?

Она замолчала, смущенно опустив глаза. Говорила она это тихим и дрожащим голосом, в нем не было никакой уверенности.

- Миссис Мотидзуки, я... помогите мне, пожалуйста, стать достойной женщиной вашего сына. Я понимаю, что мне надо очень много и долго работать над собой, я... наверное, я готова. Но мне страшно, я боюсь что-то сделать не так. Он... - она вздохнула. - меня сильно опекает. Я... думала о нашем разговоре. Я понимаю, что все совершают ошибки, но... мне так хочется сделать его счастливым. Чтобы он улыбался. Это, наверное, глупо, но... я сбежала из Москвы, меня тогда преследовали кошмары, что с ним произошло что-то страшное. Я несколько дней не находила себе места, я... хотела его забыть, но я не смогла забыть его... - Она вздохнула, сглотнула и посмотрела на женщину. - Помогите, мне, пожалуйста... я понимаю, мне кажется, что понимаю, что как мать вы недовольны всей этой ситуацией, но... как женщина, прожившая с мужем... помогите мне в этом разобраться. Я понимаю, что это очень глупо и наивно, но я постараюсь...

Ей было страшно это говорить, каждое слово давалось с трудом, и она испуганно вжималась в спинку стула. Ей казалось, что терпение этой женщины закончится. По щеке скатилась одинокая слеза, и она сглотнула.

Путеводная Нить

Слушая безмерно милые, но наивные и мало относящиеся к реальной жизни рассуждения девушки, Чиэко в очередной раз помянула сына не самым добрым словом. Яреци была еще сущим ребенком, а ситуация требовала от нее резко повзрослеть и стать женщиной, в которую она, иди все естественным путем, превратилась бы еще лет так через десять. И в основном, в этом была заслуга Тору, с его импульсивностью и неумением контролировать собственные желания. Но, кто бы ни был виноват в этой ситуации, она требовала взрослых решений, а поскольку уверенности в способности их принять непосредственными участниками событий

Чиеко не испытывала, она собиралась, при необходимости, проявить настойчивость и взять их на себя. Пусть ей и суждено было в очередной раз показаться сыну в роли домашнего тирана, навязывающего всем свое мнение.

- Не стану комментировать твои слова о счастье и ссорах. Полагаю, ты и сама знаешь ответ на свои вопросы. А вот по поводу твоей просьбы... - Чиеко не знала позволит ли Тору общаться ей с Яреци на регулярной основе, поэтому не могла ничего обещать. - Я подумаю, что с этим можно сделать. В любом случае, если у тебя будут появляться конкретные вопросы, я готова на них ответить. Что же касается достойной женщины... Начни с того, что вспомни, сколько сейчас времени и соотнеси его с тем, когда Тору обещал вернуться. Ты говорила, что звонила ему несколько часов назад, а он не взял трубку. Как думаешь, стал бы он пытаться тебе перезвонить, когда нашел пропущенный? И что бы подумал так и не получив ответа? Да и когда вообще ты последний раз проверяла свой телефон? А ведь это всего лишь несколько из сотен мелочей, о которых должна думать хорошая жена.

Чиеко не пыталась отчитать девушку за безответственность, она лишь хотела, чтобы та поняла, что за красивыми словами должны стоять реальные действия. И что все глобальное и серьезное, состоит из небольших бытовых вещей, на которые человек может даже и не обращать внимания, но которые являются истинным фундаментом крепких и длительных отношений.

Яреци Фернандез

Что же так холодно? Почему этот холод, проникший в душу, не хочет отступать? Или это все расшатанные нервы, что ее сильно трясет? Она боялась, и этот липкий страх, своими пальчиками, уродливыми и ужасными, все глубже проникает в ее сердце. Страшно и неприятно.

Женщина какое-то время молчала, но потом стала говорить. Яреци тыльной стороной ладони стерла слезы с щек и испуганно посмотрела на женщину. Та согласилась при желании помочь разобраться с какими-то моментами и вопросами, и это сейчас казалось девушке высшей благодарностью. По крайней мере, никто кроме мамы Тору не предложил ей помощь в решении каких-то проблем, связанных с навалившейся на нее беременностью. Никто - это никто из родных. Папа в больнице, а мама больше не хочет ее видеть. И, судя по всему, это действительно так. Она не хочет отказываться от ребенка. Она не будет ни в коем случае делать аборт.

- Спасибо, - только и сказала девушка, когда женщина замолчала. - Я... спасибо вам за помощь... вы... вы очень добры, - ляпнула она и снова залилась румянцем смущения.

Но вот последующие слова женщины, касающиеся Тору, заставили ее вздрогнуть и вспомнить вообще, где ее телефон. В панике она открыла сумочку, которая висела на спинке стула, но телефона там не было. Были два теста и ключи от квартиры. А еще сложенная в четыре раза карта города с прочерченным маршрутом, в котором никак не было этого дома. А телефона не было. Она застонала и зажмурилась. Кажется, после разговора с мамой она или выкинула телефон, или просто оставила его на песке.

- Я... я кажется, потеряла телефон, - испуганно прошептала она, лихорадочно вспоминая номер Тору. - Но я... я помню номер Тору...

Оставалось надеяться, что Тору не сильно переживал. И вообще, что он только сейчас увидел пропущенный звонок. И что он не будет сильно ругаться. Призрачная надежда, почти неосуществимая...

Путеводная Нить

Чиеко, учитывая ее немаленький опыт, в своих предположениях обычно оказывалась права, хотя ее собственная правота редко становилась для нее источником радости. Чаще всего ей приходилось снова и снова убеждаться в горячности и безответственности молодости и брать на себя ответственность за принятие непростых решений, призванных исправить чьи-то ошибки. Вот и сейчас, глядя на испуганное лицо Яреци, обнаружившей потерю телефона, женщина с трудом удержалась от полного усталости и обреченности вздоха. Недавно перевалившее за девять часов вечера время подсказывало ей, что потерянный телефон уже давно разрывается от звонков сына, а значит в этом доме уже в ближайшее время должно было стать еще на одного эмоционально нестабильного человека больше, и это в случае, если ей удастся дозвониться до Тору до того, как он начнет делать какие-нибудь глупости.

- Диктуй, - Чиеко достала свой телефон и выжидательно посмотрела на девушку. Она чувствовала, что в нарисовавшейся проблеме есть и ее вина, поскольку она не догадалась спросить девушку о телефоне раньше. Но стальные нотки ее голоса никак не отражали внутреннего смятения и побуждали Яреци следовать ее указанию.

Так или иначе, девушка смогла назвать номер Тору, с которым сама Чиеко не разговаривала по телефону уже много лет. Но, в сложившейся ситуации, женщина не имела права показывать свое волнение, стараясь оставаться единственным человеком в этой компании, способным мыслить рационально. Сын ответил после четырех гудков, и по его голосу Чиеко поняла, что позвони она чуть позже, все могло закончиться весьма печально.

- Тору, - она не стала представляться, поскольку не сомневалась, что сын прекрасно узнал ее голос. - Яреци у нас дома. С ней все нормально, она просто потеряла телефон. Можешь приехать и забрать ее. Все подробности мы расскажем при встрече. Ждем.

На этом Чиеко отключила телефон, считая продолжение разговора пустой тратой времени. Все остальные вопросы стоило решать при личной встрече, которая, если интуиция ее не подводила, должна была произойти в течение часа.

- Он скоро приедет. - Чиеко внимательно посмотрела на девушку, стараясь определить, какое впечатление на нее произвел услышанный телефонный разговор, который она специально вела на английском языке. - Рекомендую тебе морально подготовиться и не затягивать со своим сообщением. Пожалуй, сейчас это единственное, что может тебя спасти от его гнева.

Она, конечно, не пыталась запугать Яреци, но почувствовав во время короткого разговора отчаяние и страх на другой стороне, посчитала нужным обрисовать ситуацию такой, какая она была на самом деле, не пытаясь смягчить острые моменты. Раз девушка собиралась стать матерью, ей следовало учиться сталкиваться с последствиями своих поступков и решать созданные необдуманными действиями проблемы.

Яреци Фернандез

Девушка закрыла глаза и попыталась вспомнить номер Тору. Она вроде бы его помнила, но нарастающая паника не позволяла его правильно воспроизвести. Путалось несколько цифр, но вскоре в памяти всплыла отчетливая картинка с его номером, и она его продиктовала женщине, в очередной раз сильнее закутываясь в плед и испуганно глядя на маму Тору.

Пока она говорила по телефону, девушка налила себе в чашку чай и начала его пить, стараясь немного успокоиться и морально подготовиться к разговору с любимым. Она была сильно виновата, теперь она это понимала, и она готова была понести любое наказание. Кроме, разве что, откровенных признаний о том, что ему надоело возиться с ней как с ребенком, что она должна сделать аборт, и что он совсем больше не хочет ее знать. Нужно набраться смелость и посмотреть в глаза своему страху. Но это же очень тяжело.

Внезапно она поняла, что не только ее будущее находится под угрозой, но и жизнь и здоровье сгустка клеток, который со временем должен сформироваться сначала в зародыш, а потом и в человека, который будет носить фамилию этой семьи. Она должна заботиться о ребенке, но ведь она ничего не знает. Она боится сделать что-то не так. Она как всегда сделала все неправильно. Не надо было соблазнять Тору в тот день. Если бы не ее гормоны, то... но сделанного не изменишь, так же как и время...

Она достала тест из сумки и, извинившись, снова отлучилась. Нужно подтвердить, что это правда. Если она действительно беременна, то хотя бы его гнев будет ожидаем. А если нет... то он ее просто убьет. Но тест показал, что все это правда, оставив ее в смятении. Она умылась и, успокоившись, если можно назвать спокойствием нервную дрожь и испуганные глаза, а также колотящееся сердце, вернулась к женщине. Села на стул и посмотрела на нее.

- Я... готова... мне кажется, что готова. Мне хоть и страшно, но... я постараюсь не подавать вида. Я... он волновался за меня, а я... я даже не заметила, что мой телефон... Простите меня, миссис Мотидзуки. И... спасибо за все... - проговорила она слабым, но твердым голосом, хотя он немного дрожал...

Путеводная Нить

Сообщение о скором появлении ее возлюбленного не вызвало у девушки особого энтузиазма. Она явно переживала за его реакцию, да и известие о его не самом безоблачном настроении только усугубляло ситуацию. В какой-то момент Яреци ненадолго отлучилась и, воспользовавшись ее отсутствием, Чиеко попросила принести новый чай, что Юри и сделала в кратчайшие сроки. Вернувшись же,

беременное дитя снова стала извиняться, благодарить и говорить о своих страхах, с которыми Чиико, по большому счету, не могла помочь ей справиться. Она могла только составить Яреци компанию до того момента, как порог дома переступит Тору, у которого наверняка накопилось немало трудных вопросов, требующих незамедлительного ответа.
